

После поцелуя Сюй Сяочжэнь бессильно опустился на подушку. Лицо вспыхнуло алым, губы — припухшие, чуть подранные, влажные. Он вцепился в запястье зубами, чтобы не издать ни звука.

И Гу Янь вспомнил — когда-то давно, в той их старой квартире, стены были тонкие. Слышно было даже, как ходишь. И всякий раз, когда они были вместе, Сюй Сяочжэнь кусал себе руку — чтобы никто не услышал.

Глаза у него при этом были в слезах, но смотрел он на него так... будто ничего другого в мире не было. А если боль и стоны всё равно прорывались, он тянулся к нему сам, целовал — и все эти звуки растворялись между их губ.

Сердце сжалось. Возможно, на секунду — в нём что-то дрогнуло. Может, даже совесть. Но... всё это мгновенно утонуло в жадности. В желании, которое с новой силой засосало его вглубь.

Он посмотрел на шрам на его шее. И вдруг... стало неинтересно. Некрасиво. Мешает. Он просто закрыл его прядью волос.

А наутро Сюй Сяочжэнь проснулся.

Будто шприцем в кости закачали уксус — тело ломило изнутри, всё ныло.

Он проснулся в чьих-то объятиях. Кожа — горячая, плоть к плоти, рёбра, мускулы, и чуть приподнявшись, Сюй Сяочжэнь увидел — подбородок Гу Яня, резкий, красивый.

Он вздрогнул, резко сел, задержался в этой позе с минуту, а потом начал торопливо одеваться.

Гу Янь ворчливо проснулся, посмотрел на часы. Четыре утра.

Его голос был тяжёлым от недовольства:

— Ты куда?

Сюй Сяочжэнь, всё ещё покачиваясь, севшим голосом ответил:

— Завтрак приготовить... потом в университет.

Он застёгивал пуговицы, дрожащими руками. Следы на ключицах — яркие, не скроешь. Но он будто не чувствовал ни стыда, ни тревоги. Всё было... как должно. Как будто они всегда были

такими. Разве не так было раньше? В те дни, когда не нужно было идти на занятия, они могли часами исследовать тела друг друга.

И он помнил: вчера — он был тот, кто подошёл первым. Он сам потянулся. Он захотел. Даже если теперь Чжоу Янь звался Гу Янем — он ведь не оттолкнул его.

Ответ устроил Гу Яня.

Он стал добродушнее, притянул его назад в постель, провёл пальцами по багровым отметинам на ключицах и поцеловал в щёку:

— Рано ещё. Полежим.

Суй Сяочжэнь замер. Лицо залилось краской. Он неловко сжал простыню, пытаясь укрыться, и тихо спросил:

— А... туалет где?

Он мялся, смущался, прикрывался тканью, но тело его выдавало — он не мог двигаться свободно.

Гу Янь всё понял. В голове вспыхнули вчерашние сцены — жаркие, влажные. Его передёрнуло от желания. Он подхватил Суй Сяочжэня на руки:

— Я отведу.

Он стал ещё хрупче, чем раньше. Тогда, в юности, он хотя бы не терял сознание. А теперь... только начал — и уже отключился.

Он знал, что перебарщивать нельзя. Хотел наслаждаться дольше. Поэтому остановился на полпути.

У раковины он прижал его к себе, снова поцеловал — и вновь почувствовал, как внизу набухает плоть.

Но Суй Сяочжэнь отстранился, мягко, но твёрдо:

— Мне... надо на пары...

Гу Янь не ожидал отказа. Он думал, тот будет покорным, безоговорочным. Что любит его настолько, что согласится на всё. Но тот отказался. Это кольнуло.

Он отступил, отстранённо сказал:

— Не хочешь — как хочешь.

Сюй Сяочжэнь не мог вынести холодности. Не мог рисковать тем, что снова потеряет его. Потому сам потянулся, поцеловал, открылся, прошептал:

— Возьми. Только один раз. Мне правда надо идти на пары...

Гу Янь с удовольствием принял его инициативу. Он наслаждался этим чувством — когда Сюй Сяочжэнь ставит его выше всего остального, безусловно, слепо.

Он никогда не готовил дома. И Сюй Сяочжэнь тоже был не в своей тарелке — эти кухонные приборы, слишком дорогие, слишком умные. Он долго рылся в шкафах, что-то подбирал, кое-как приготовил скромный завтрак.

К шести утра Сюй Сяочжэнь уже был у дверей — сумка через плечо, взгляд в спешке. На прощание он коснулся губами его губ. Лёгкий, мимолётный поцелуй — и выбежал за дверь.

Гу Янь остался стоять в проёме. Смотрел, как тот спешит вниз, на ходу машет рукой. В груди отозвалось странное, забытое чувство. Он подошёл к окну.

Сюй Сяочжэнь бежал по дорожке, обернулся и ещё раз махнул. Было в этом что-то... абсурдное. Словно это его, Гу Яня, кто-то тайно прячет у себя в золотой клетке, холит, лелеет. А не наоборот.

Когда тот скрылся из виду, он медленно отошёл. На диване осталась студенческая карта.

Поднял. На ней — пол: "мужской, бета". В памяти всплыло: то место на шее, где должна быть железа. Вместо неё — уродливый, шершавый шрам.

По логике, если после его исчезновения Сюй Сяочжэнь страдал от выбросов феромонов, он должен был обратиться за помощью к властям. Те обязаны были бы стереть метку и приглушить симптомы.

Значит... железы больше нет? Почему? Почему так уродливо, так неровно? Это не похоже на след от медицинской операции.

Он не мог понять. Думал. Сомневался. Перебирал варианты. Но в какой-то момент сам себе усмехнулся: к чему всё это? Зачем столько думать?

Если Сюй Сяочжэнь теперь — бета, это даже удобнее. Ни течки, ни беременности. Ни забот, ни последствий.

Сегодня пошёл снег. Солнце спряталось за облаками, лишь изредка пробиваясь сквозь пелену, оставляя на земле светлые пятна — как отпечатки счастья.

Сюй Сяочжэнь закрыл ладонями лицо, вдохнул полной грудью. Тёплый пар вырвался изо рта. Прекрасный день. День, который хочется запомнить.

Он порхал в сторону автобусной остановки... и тут обнаружил — студенческой карты нет.

Вчера он точно её использовал, когда садился в автобус. Наверное, выронил в салоне. Но он так нервничал вчера, что даже не помнил, по какой дороге шёл.

До университета — десять километров. Занятие в девять утра. Ещё три часа. Раньше бы он и пешком дошёл. Но сейчас... каждый шаг отдавался в коленях. Ноги дрожали, он едва не упал.

Сжав зубы, достал из сумки свежие четыре юаня.

Дом Гу Яня находился далеко от центра. Общественный транспорт ходил редко. Сюй Сяочжэнь немного постоял, мёрз, потом нашёл укромный уголок, присел, достал тетрадь — начал просматривать записи.

Первый сектор и остальной мир — как небо и земля. То, что преподаватели здесь считали базовыми знаниями — для него было неизведанным. Названия зданий, предметов, даже терминов закона — словно с другой планеты. Он не понимал, а однокурсники — нетерпимы.

С самого начала они смотрели на него свысока. И уж точно не собирались тратить время, чтобы что-то объяснить. Он сначала не понимал, спрашивал. И каждый раз — в ответ только смех и колкие шуточки.

Он понял: его невежество отнимает у всех время. И с тех пор молчал. Если тема понятна всем, он молчит. Не понял? — запишет и сам разберётся.

Даже законы, которые он учил с детства — оказались другими. И только сейчас он осознал: справедливость существует, но... не для таких, как он.

Пренебрежение. Подколки. Сложности учёбы. Разрыв между тем, чему его учили, и тем, что теперь считалось истиной. Жизнь, в которую он не вписывался... Любой другой бы сдался. Ушёл. Признал поражение.

Сюй Сяочжэнь не собирался сдаваться. Ему плевать, что о нём думают. Он будет учиться. Лучше, чем все эти альфы и омеги. Он докажет — бета ничуть не хуже. Что никто не имеет права презирать их.

Теперь у него появилась цель. Он хотел быть рядом с Чжоу Янем. Хотел быть достойным его.

Автобус подкатил неспешно. Сюй Сяочжэнь достал заранее приготовленные деньги и по одной стал опускать в автомат. После первой монеты водитель окликнул его:

— Достаточно.

Он замер. Водитель вытащил из-за стойки табличку, на которой значилось: «Проезд — 1 юань».

В Первом секторе один юань — почти как бесплатно. Табличку, должно быть, просто забыли выбросить. Никто не обращал внимания.

Сюй Сяочжэнь убрал оставшиеся три монеты. Вспомнил, как в Восемнадцатом отдавал по пять юаней за проезд. Здесь — можно прокатиться пять раз. С кондиционером и ароматизатором.

Казалось бы — радость. Доказательство: теперь он может себе это позволить. Даже без карты.

Но на душе стало как-то пусто. Он приоткрыл окно, впуская в салон ледяной ветер.

После занятий позвонил Гу Янь:

— Ты домой вернёшься?

Сердце тут же наполнилось теплом. Дом?

— Я купил квартиру рядом с твоим кампусом, — спокойно сообщил тот.

Он даже не спросил разрешения. Просто прислал адрес:

— Собирай вещи. Я жду у входа.

Когда Сюй Сяочжэнь ушёл, Гу Янь впервые заметил, насколько пусто в его прежнем доме. Даже дыхание отзывалось эхом.

Квартира — просторная, сотни квадратов, идеальная температура круглый год. Но в ней было неуютно. Яичница на тарелке холодела с пугающей скоростью, покрываясь пленкой, как

ненужная.

Он хотел, чтобы Сюй Сяочжэнь был здесь. Сразу после лекций. Чтобы наполнил это место теплом, звуком, жизнью.

Но дом слишком далеко от университета. Поэтому он сразу дал команду — купить новую квартиру и оформить на имя Сюй Сяочжэня.

Квартиры, машины, яхты, украшения — для покровителя это было нормой. Гу Янь с детства впитывал, как «должно быть». И даже если делал это впервые — выглядело так, будто всегда знал, что делает.

Сюй Сяочжэнь и представить не мог, что в свои двадцать четыре получит в подарок такую дорогую квартиру.

Он знал, что у Гу Яня деньги есть. Но всё равно подумал: неужели это... для него? Чтобы было удобно учиться? Чтобы они могли быть ближе друг к другу? Он так растерялся, что выронил документы на пол.

Гу Янь рассмеялся, глядя на его испуганное лицо. Обожал эти моменты — когда Сюй Сяочжэнь теряется, как ребёнок, не привыкший к подаркам.

Он поднял бумаги, сунул ему в руки:

— Бери. Назад всё равно не сдашь. Слишком церемонишься. Ты разве не хочешь жить со мной?

Он был... красив. Черты — холодные, резкие, безжалостные. Но глаза — таинственные, глубокие, глаза, которые будто должны быть полны страсти... и именно потому всегда казались бесстрастными.

Когда он смеялся по-настоящему, это было как весна, пробуждающаяся из-под льда — живая вода, тихое солнце, обманчивая нежность, в которой легко было утонуть.

Сюй Сяочжэнь глядел в эти глаза и верил что это — навсегда. Что любовь, раз уж случилась, — не уйдёт. Он осторожно спрятал документы в ящик:

— Тогда я положу сюда. Если что — сам возьмёшь.

Гу Янь кивнул, легко поцеловал его в губы:

— Как скажешь.

С тех пор Сюй Сяочжэнь словно летал. Шёл — и за ним тянулся ветер. Лицо светилось. Не то что раньше — сдержанный, замкнутый. Теперь — мягкий, живой, будто оттаял изнутри.

Кто-то видел, как он садился в машину Гу Яня. Кто-то — как они вели себя слишком близко. Кто-то помнил, как тот однажды за него вступился, учил его собирать оружие. Стены не держат тайн, а сплетни всегда найдут выход.

Все уже догадались, почему у Сюй Сяочжэня теперь такой счастливый вид.

Но вслух никто ничего не говорил. Все знали, что Гу Янь — просто играет. Любовь? О чём вы. В такого, как Сюй Сяочжэнь?

Каждый альфа, выбирая омегу, думает сто раз. А тут — бета, да ещё и с окраины. Смешно.

Никто, конечно, не стал предупреждать. Только некоторые бета смотрели на него с чем-то между жалостью и завистью.

Сюй Сяочжэнь каждый день проходил мимо. Ни одного слова. Ни одного взгляда. А под их натянутыми улыбками никто не знал, что на самом деле творится внутри.

Кто-то считал его жалким. Кто-то — дерзким. Кто-то — смешным. Но в лицо никто уже не смел ему хамить. Из-за Гу Яня.

Теперь, наоборот — здороваются. Притворяются добрыми.

Но Сюй Сяочжэнь не спешил благодарить. Он видел насквозь. Ни одного жеста в ответ. Проходил мимо, будто и не замечал. Это злило ещё больше. Мечтали — вот бы Гу Янь поскорее его бросил. Чтобы остался ни с чем.

А втайне даже ставки делали. Когда же он ему надоест.

Обо всём, что происходило в стенах университета — о косых взглядах, тихих сплетнях, насмешках — сам Сюй Сяочжэнь даже не догадывался.

Гу Янь, впрочем, знал. Слышал. Но вмешиваться не стал.

Связь с бета низшего класса могла подпортить репутацию. Могла — но не в его случае. Он только что получил повышение. И никто не посмел бы сказать ни слова вслух.

С годами Гу Янь стал другим. Упрямым. Безапелляционным. Делал, что хотел, как хотел. А если кто-то был не согласен — того ставил на место быстро и жёстко.

В последнее время он был как на подъёме — заметно посвежел, будто внутренне оттаял. Лицо больше не было каменным, и даже привычная жёсткость в голосе — смягчилась. Те, кто знал его давно, поражались. И... завидовали.

— Вот же везёт... Где таких миленьких любовников выдают? Смотри, как светится-то... — усмехался один из коллег.

— Это тебе не просто новая игрушка. Это ещё и старая любовь. И красивый, и стройный, и характер — огонь. Такая находка не каждому даётся, — вторил другой.

Гу Янь слушал, не спорил.

Но разговор быстро свернул на более циничную тропу — кто-то упомянул ставки, которые теперь делали в университете.

Ставили на то, когда Сюй Сяочжэнь окажется выброшенным.

— Ну, господин генерал, — пошутил кто-то с усмешкой, — раскройте карты. Когда от него избавитесь? А то мы тоже хотим на этом немного подзаработать...

Гу Янь лениво усмехнулся:

— Думаю, в ближайшие три месяца — точно нет.

Он достал карту и небрежно кинул на стол:

— Раз уж вам так интересно, подкину ставку. Моя ставка — полгода.

Он сам полагал: через полгода Сюй Сяочжэнь ему надоест.

Собравшиеся одобрительно загудели:

— Сам участник в игре! Теперь нам точно повезёт, всё схвачено!

Чжоу Цзиншуо с улыбкой наклонился ближе:

— Брат, а он и правда такой особенный этот твой бывший?

Гу Янь приподнял бровь, как бы говоря: «Ну? Говори уже.»

Цзиншуо подлил ему вина, заискивая произнес:

— Когда надоест... передашь его мне? Просто поиграть.

<http://bllate.org/book/14462/1279149>